

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиаотека

Сообщество

— Шабохин Сергей

Роман Аксёнов: «Искусство для меня — это коммуникация»

Mar 24, 2012 0 1 268 Edit

Интервью с художником Романом Аксёновым, победителем конкурса Smart Art, чей проект «Непосредственные» проходил в галерее современного искусства «У» с 14.02 по 01.03.2012

Роман Аксёнов / проект «Непосредственные» / 2011-2012 // фото: Вика Щербакова

Ты закончил Белорусскую государственную академию искусств, монументальное отделение художественного факультета, работаешь по профессии в архитектурной мастерской и готовишь эскизы для росписей храмов. Почему, имея полученные в академии навыки, ты создаешь проект, в котором полностью отказываешься от них?

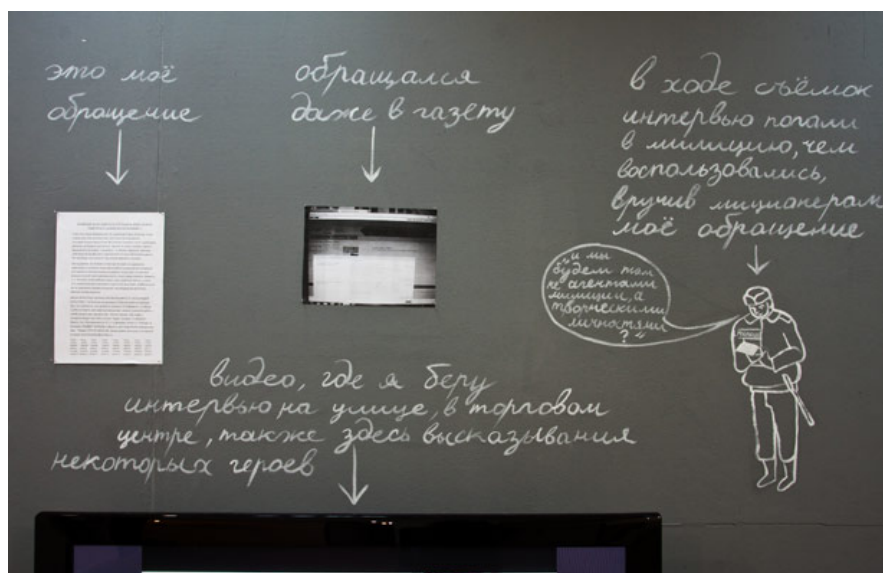
Я не то чтобы разочаровался, но перестал верить в эти навыки, что они вообще что-то значат или несут. Наверное, тому виной форма преподавания в академии. Даже полученные технические навыки сложно применить. И сегодня, занимаясь росписью, я понимаю, что только учусь. Ведь глядя на средневековые примеры настенной живописи 12 века, понимаешь, что этот язык живописи создан для архитектуры. Очень хочется уметь так емко и знаково высказываться. Работа с архитектурой и её различные исторические формы должны преподаваться на нашей кафедре, но ничего подобного не было. В академии не дают практически никакой теории искусства, история искусств преподается ужасно. Только один педагог, такой захожий дядечка-политолог, во время зачета на мои личные рассуждения отреагировал словами, что главная задача педагога научить студента думать, а остальное ничего не значит. И это действительно самое главное. Для меня, в том контексте, это было неким откровением. А нас учили, как планшеты закатывать. Научить думать невыгодно системе, а академия — это часть системы. Определение искусства как прежде всего мощной и свободной формы коммуникации вообще очень невыгодно. Потому что выгодно иметь в своей структуре послушных работников, которые в ней и на нее же работают. А те, кто начинает себя проявлять, могут разрушить эту систему, открыв всю фальшивую сущность её (как правило, это относится практически ко всем системам). Поэтому всех заставляют молчать, сидеть тихо, работать и учиться по правилам, получая нужные оценки и всяческие поощрительные подкаты. А будешь сопротивляться — система реагирует жестко.

Почему ты себя «отстранил» в своем проекте, взяв на себя роль исключительно художника-экспозитора? Почему тебя на выставке невозможно найти?

Это личное накопившееся ощущение: я с подросткового возраста хотел быть художником, учился, менялись преподаватели и школы — училище, позже академия. И если уж быть самим собой, то вопрос «ради чего это все я делаю?» для меня стал особенно острым, ведь за время учебы я утратил этот след. И относительно того, что я видел: то, что выставляется в Беларуси, — меня это абсолютно не трогало. Наверное, меня вдохновил на проект просмотр впечатляющего фильма Пьера Паоло Пазолини «Заметки о любви». Я понял, что хочу что-то сделать в подобной форме. Пазолини со съемочной группой ходил по всей Италии, задавая итальянцам вопросы: детям, например, о том, как они происходят на свет, а всем остальным о половых отношениях и всем, что касается любви. Видно, что его эта тема волновала, можно даже сказать, что это тема его жизни. Любопытно, что деревенские люди очень просто, без комплексов отвечают на подобные вопросы, а эксперты, которых он просил комментировать, не могли ничего сказать толком, и ты сразу видишь эту патологию. Чем больше каких-то институций — тем больше проблем, пропадает определенная ясность.

РУБРИКИ

news обзор (6)
активизм, закон, цензура (31)
арт-институции (11)
архитектура, охрана памятников (3)
Без рубрики (1)
белорусский авангард (5)
гендер, феминизм, квил (23)
дискуссии (9)
заслуженный работник культуры (2)
издания (11)
институциональная критика (7)
интервью (46)
итоги (15)
круг интересов (2)
кураторское дело (3)
лекция (7)
манифесты, акты, декларации (7)
материалы па-беларуску (16)
международный опыт (26)
некролог (3)
общество (10)
опрос (5)
перформанс (5)
письмо редактора (3)
портфолио (4)
реакции, наблюдения, тенденции (40)
события, выставки (53)
стрит-арт, публич-арт (10)
текст художника (7)
терминология (7)
фотография (16)
художники (38)
школа критики (3)



Снимая свой видеоролик, что тебе удалось выявить в минчанах?

У меня не было желания что-то выяснить или изучить, мне просто хотелось сделать жест, отдав свое выставочное пространство любому желающему, и задать некоторые вопросы. Для меня вопрос, который я задавал людям, — существенный, потому как он касается самого главного в человеческом ощущении жизни. Ведь без общества человек уже не живет. Да и искусство — это в первую очередь средство коммуникации. Для меня. Исходя из этого, я сформулировал такой вопрос: «Чем важным вы бы хотели поделиться с большим количеством людей?». И когда мы задавали этот вопрос — видели, как меняется реакция на лицах людей, они внутренне задают себе этот вопрос и с ним потом уходят. Причем мало кто отвечает.

Этот вопрос ты задавал во время подготовки проекта, но во время его осуществления в анкетах он не прозвучал. Ты это сделал осознанно?

Осознанно, потому как люди уже пришли на призыв высказаться. А те, кто на видео, пытались высказаться не работами, а вербально. Я был уверен, что и во время проекта будет больше слов, но пришли люди в большинстве с традиционным представлением о творческом высказывании. Даже не суть в том, что люди отвечают на вопросы, важно — хотят ли идти на контакт. Больше важна сама встреча, чем высказывание. Новые лица — новые реакции, образ такого дежавю: что-то такое странное о том месте и о тех людях, которых ты никогда не видел и не увидишь, никогда о них ничего не узнаешь, никогда в тех местах не побываешь. А в этих местах живут люди, сменяются поколения, а ты не съездишь и не посмотришь, и уж тем более не всех выслушаешь. И это отчасти была попытка предпринять такое путешествие — лично для меня не свойственно в повседневной жизни приставать на улице к незнакомым прохожим с различными «странными» вопросами.



Многие отмечали, глядя на твой проект, что представители белорусской культуры слишком дистанцированы от общества, не знают его цели, логики и проблем. Вооружившись этим

наблюдением, левые художники хотят больше работать не со зрителем, который ходит в галереи, а с теми, кто туда не придет никогда. Ты тоже вышел «в народ». По сути, это такое арт-левачество. Пазолини в его фильме удалось вскрыть некоторые патологии итальянского общества и, возможно, понять, кто же эти итальянцы того времени. Так все-таки, занимаясь этим проектом, что тебе удалось открыть такое, что, возможно, поразило тебя и съемочную группу?

Да, в какой-то мере это левачество. Но относить себя к левым или каким-то другим художникам сложно — ведь это фактически мое первое большое высказывание. Но по мировоззрению это, конечно, больше относится к левым практикам. Вообще, проект «Непосредственные» — это личный вопрос: о том, что должно делать искусство, какие функции обязуется выполнять. Потому что я этого не знал и не знаю до сих пор. Хотя благодаря проекту уже сделал первые выводы. Меня поразило, что для какого-то количества людей такие институции, как галерея, вообще не существуют, и более того — они туда не пойдут никогда, а если пойдут, то ничего не поймут. И это не ущербные люди, а такие, как все остальные, чье мнение важно. Их мнение действует и живет, они отвечают на вопросы не хуже, чем те, которые любят искусство и разбираются в нём. И эту категорию людей нельзя описать, опираясь на какие-то социальные пласты, она присутствует во всех социальных слоях.

А на вопрос, что меня поразило, я могу рассказать о встрече с одной из участниц проекта. Это была бабушка, которую мы попросили поделиться тем важным, что у нее в жизни было, с большим количеством людей или какую-то проблему высказать, ведь она прожила долгую жизнь. Она подумала и сказала, что ничего хорошего в ее жизни не было. Больше она ничего сказать не нашлась и ушла. Тут поразила какая-то ясность этого ответа: такая четкая и безапелляционная. И потом она ушла, ушла продолжать жить, но с этим вопросом. Тут невозможно сделать вывод — тут была важна сама встреча с ней. Мне сложно это проанализировать или прокомментировать, но это было поразительно. Тут испытываешь ощущение, подобное тому, которое испытываешь от встречи с хорошим произведением искусства, хоть это звучит цинично. Но оно подействовало на меня и съемочную группу, и на многих из тех, кто увидел это видео. Это живая встреча, она ценна и не позволит мне уже как-то изначально судить о каком-то человеке, о его качествах, образе жизни или о какой-то другой его характеристике с первого взгляда. Мне уже будет сложно так поступить.

Другая бабушка, наоборот, выдала за двадцать минут всю подноготную ее окружения, после чего уже снимать ничего не хотелось, то есть не осталось сил. Это оказался большой труд, выслушать, а главное — научиться слушать. Эти встречи, безусловно, повлияли на меня и нашу съемочную команду. И на тех, кто смотрел видео, и тех, кто был интервьюирован нами. Возможно, даже на тех, кому задавались вопросы, проект повлиял больше всего: ведь после встречи с нами они пытались задавать себе этот вопрос в дальнейшем. Например, Олег, которого мы снимали летом, пришел на презентацию выставки с надеждой, стихи свои рассказывал, приходил потом, пытался общаться, даже мусор помогал выносить в галерею, но потом, как мне рассказали, запил еще сильнее. Поэтому сложно сейчас говорить, это хорошее что-то или плохое, главное, что происходит изменение.



Один из участников проекта Олег, на презентации «Непосредственных» Романа Аксёнова / 2011 // фото: Вика Щербакова

А как на тебя лично повлиял проект?

Меня подбодрил тот факт, что мои знакомые, многие из которых уже разочаровались в том, чтобы что-то делать в плане искусства, порядочно воодушевились проектом. Многие приходят и благодарят за это. Поэтому один из выводов в ходе проекта, который я сделал для себя: нужно просто действовать. Эти встречи, как я уже говорил, повлияли на отношение к людям. Ещё очень важно, конечно, особенно в нашей стране, позволять людям высказываться или провоцировать их на это. Ведь, по сути, если выделить из всех профессий их основной жизненно важный смысл, то он окажется у всех один — это общение.

Вообще, твое отношение к людям уникально, на мой взгляд. Я начал с вопроса, почему тебя в проекте нет, потому что когда смотришь на результат — не видишь никакого бахвальства и самовыпячивания, тебя нет. И о тебе ничего невозможно узнать... кроме того, что ты действительно любишь тех, кто участвует в проекте. Ведь каждому из них ты уделил одинаково пристальное внимание. Когда мы монтировали выставку, я наблюдал, как ты не мог отказаться от, казалось бы, «лишних» элементов, не мог позволить себе сделать «спасительный» отбор. Это близко христианским постулатам.

Это была концепция такая. Сегодня христианская цивилизация переживает пост-фазу, когда подвергается большой критике, и во многом обоснованной, конечно, но в основном вся критика справедлива лишь к социальному институту церкви. Сама же суть христианства, по крайней мере для меня, вне критики, более того, заключается в полной свободе человека, в свободе настоящей. Форма современного искусства, особенно перформанс (в лучших своих образцах, как правило), по моему мнению, пытается подражать форме повествования в Евангелии, художник пытается использовать формы поведения, свойственные Христу. Там в основе лежит важное заявление, что общение — это главное в жизни. Когда после мировых войн перестали строиться цивилизации, когда нет таких огромных империй, а только намеки на них, то уже нет четких институциональных художников, а если они появляются, то это бывает просто смешно. И когда происходит кризис профессионализма, когда в некоторых странах появляется термин «притязание на профессию», когда история пишется отнюдь не делами человека, а развитием продукта, становится очевидным приоритет такой сократовской формы жизни: Сократ просто жил, выходил на площадь, разговаривал, и в этом его жизнь заключалась, ничего не записывал, за него какие-то его ученики записывали. В эпоху отчуждения, когда каждый живёт своей жизнью и на ближнего ему наплевать, как правило, возникает острый дефицит живого общения. Это чувствуется в современном искусстве: отказ от каких-либо средств — достаточно тебя самого, чтобы сделать произведение или высказывание. И это, как ни странно, близко христианской жизни. Недаром многие современные художники называют себя «новыми юридивыми». Жалко только, что часто это остаётся подражанием лишь форме, внутри остаётся пустым. Сложно преодолеть статус «товара», даже произведению искусства. Цивилизации продукта чуждо христианство, она предпочитает быть «пострелигиозной», потому как и в христианстве хочет видеть продукт.

А в подростковом возрасте я был мизантропом, буквально ненавидел людей, но когда ты становишься в подобную позицию — ты очень быстро получаешь по голове. Но когда тебе начинают помогать совершенно неожиданные люди, ты начинаешь иначе относиться к реальности.



Михаил, самый первый
участник проекта
„Непосредственные“;
его замечательная работа



Роман Аксёнов / проект «Непосредственные» / 2011-2012 // фото: Вика Щербакова

На твоё приглашение прийти и высказаться в галерею отозвалось 39 человек. Но из них почти все так или иначе связаны с творчеством, любят искусство и иногда заходят в галерею. То есть тебе так и не удалось привести людей, далеких от творчества.

Это, конечно, можно было предвидеть. Но хотелось как-то рассказать о той прослойке людей, для которой так и не существует галерей, и их невозможно привести туда. Этот проект для таких людей реален только на их территории, в публичном и уличном формате. Они присутствуют на выставке лишь на видео. Например, цыган Михаил, первый пробный участник исследования, нарисовал лошадку. Он собирался много раз зайти в галерею, но так ни разу не пришел, и я уверен, что не придет никогда. Ему приятно, что работа висит в галерее, но он не отдает себе отчет, что такое вообще галерея и зачем она ему. Странно, но по скрытому закону городских организмов место в экспозиции хватило ровно на этих пришедших 39 участников.



Роман Аксёнов / проект «Непосредственные» / 2011-2012 // фото: Вика Щербакова

Давай поговорим о тех, кто пришел. Они так воодушевленно творили. И по сути, у тебя получился иной результат эксперимента. Тебе удалось преодолеть отчуждение, но не отчуждение страха прийти вообще в галерею, а отчуждение непрофессионалов перед, условно говоря, профессиональным художественным сообществом. Какая реакция этих людей — которые творят, но вряд ли эта галерея, занимающаяся иного рода культурой, могла бы выставить их в групповых выставках, и тем более персонально?

В Минске есть много подобных сообществ и групп, у которых нет возможности выставиться в галерее. Но они пришли, поучаствовали и выставились именно из-за желания выставиться и показать что-то. Тут произошло что-то такое, что объединило их на этот момент с «профессиональной» средой. А в целом, есть ли достаточно объективные критерии их отличия от профессионального сообщества, кроме «места работы»? Особенность их реакции заключается в том, что они не понимают и не определяют некоего «иного рода культуры», которым, как ты говоришь, занимается эта галерея. На открытии даже некоторые профессиональные художники говорили, что им всегда было не совсем уютно в галерее, хотя заходят туда часто, а сейчас, после проекта, им стало намного комфортнее.



Роман Аксёнов / проект «Непосредственные» / 2011-2012 // фото: Вика Щербакова

Ты сказал, что искусство для тебя — это в первую очередь средство коммуникации?

Семен Мотолянец, мой друг, рассказал мне, как им преподавали в питерской академии искусств историю искусства Древней Греции и его поразило то, что смена реалистического периода в искусстве на геометрический была подана как развитие и расцвет культуры. То есть им это преподавали как расцвет, а реалистичное стало «низовым искусством». И этот период соответствует началу письменности: оформление изображения в знак, а потом в букву — это все подтверждает мысль, что искусство необходимо для коммуникации, что это одна из основных его форм и функций. Также это доказывает авангард 20-30-х годов, который тоже к этому выходил, критикуя подражательную форму классического искусства. И когда от этих достижений отказались в Советском Союзе и это все уплыло на Запад, а сейчас к нам

возвращается на билбордах в самом дешевом проявлении — потребительские простые вещи, но с иным кодом, — берет обида, что мы все это потеряли и не развивали, хотя возможности были огромны. Ведь авангард открыл много возможностей и дал огромный толчок всей мировой культуре. И это был язык, не просто отдельная сфера искусства, а язык как инструмент. И попытка сделать революцию с помощью этого языка — мощный импульс.

Работая над «Непосредственными», на проекты каких художников ты, возможно, опирался?

Готовя проект, я старался побольше просмотреть художников из relation art — искусства взаимодействия. Например, Джереми Деллер с его простотой, и особенно его полюбившаяся мне работа «Это то, что есть: разговоры об Ираке». Конечно, Сантьяго Сьерра — за то, что он сумел выявить иную сторону мира, без эмоций, а также выразил идею, что человек может быть инструментом. Его проекты — наверное, «нормальные» для Мексики, но очень жёсткие для Старого света высказывания. Стоит вспомнить также акцию «Когда вера сдвигает горы» Фрэнсиса Аллуса.



Твое исследование — по сути, классический прием коллаборативного искусства. Чем он, на твой взгляд, уникален в Беларуси?

Это очевидная ситуация: в Беларуси люди очень боятся высказаться. И вообще им страшно что-либо сделать открыто. Менталитет таков, что люди сидят в своих норах, в своих кругах, и общая ситуация позволяет им это делать, более того, государство всеми силами старается сознательно запугивать людей, ему это на руку. А расшевелить и кого-то вытащить оттуда, в галерею, например, где они точно бы никогда, возможно, не стали героями сами по себе, было не только любопытным, но и важным. Именно контрастность внешней ситуации и атмосферы с другими похожими проектами подобного плана подбодрила. Здесь ещё хотелось бы отметить одно важное отличие от других проектов такого типа: участник мог сделать полноценное личное высказывание, моя функция была лишь развесить и подписать работу.

Но проект «Непосредственные» получился сильно белорусским, он локализовался. Более того, сама его форма напоминает документалистику, ведь каждый месяц этот проект давал бы иные результаты. Но подал, оформил ты завершающую выставку довольно конкретно, в таком «кабаковском» стиле. У многих наблюдателей как раз был вопрос к подаче: на взгляд многих, слишком советской, ведь текст ты не напечатал, а написал от руки на стене. По сути, тебя можно все-таки найти в проекте: в твоём почерке и оформлении экспозиции. Не «уничтожает» ли это концепцию и чужие работы?

Да, это личное присутствие, контрастное к самим работам. Для меня не был ясен вопрос: уничтожает ли чужие работы мое присутствие в почерке. Опросив своих знакомых и участников, я убедился в том, что это совсем не мешает. Участники изначально согласились на мое присутствие, условившись прийти, и даже поставили подписи в анкетах. Да, это форма присутствия. Печатный текст отсылал бы к эстетике холодного исследования, и экспозиция была бы выполнена иначе, соответственно. Но мне импонирует получившаяся форма встречи, моя позиция наблюдателя, как будто я выставил часть своего окружающего мира, с которым соприкасаюсь каждый день. Но я не делаю в проекте выводов личных, мне кажется, именно вывод мог бы опосредовать высказывания участников. Вместе с тем нужно было чем-то объединить работы. В итоге мой текст стал своеобразной общей оформляющей «рамой» со своей отдельной смысловой нагрузкой. Другой вопрос — о наличии полноценных высказываний самих участников. Думаю, что их могло быть и больше. Может, нужно было обращаться более внятно? Вполне возможно. А с советской эстетикой у меня ассоциируется больше письмо плакатным пером, а здесь такое маргинальное, заборное письмо получилось.

видеодокументация проекта в
галерее, который происходил
девятого февраля и заключался в
том, что я предоставил своё
выставочное пространство всем
желающим высказаться людям,
(которые не связаны официально
с культурой и искусством); на
выставку пришли и участвовали
более тридцати человек, за
что им особая благодарность;
на видео также представлены
интервью с некоторыми
участниками



Такой митьковский шрифт? Тебе вообще, кажется, близки идеи питерских митьков.

Ну, там еще действуют некоторые группы. Например, «Васильки». Но многие бывшие митьки в Питере до сих пор актуальны. Там особая ситуация со средой: контраст красивой внешней архитектурной декорации и сурового климата, где люди вынуждены друг друга поддерживать. Люди больше организуются в группы и работы делают в основном друг для друга. Без поддержки друзей и знакомых (ну это как мне показалось) там сложно очень, это располагает к наличию камерного душевного искусства, которое «не хочет никого победить». Очень интересный феномен Арефьевского круга, еще домитьковской живописи: фовистская живопись в Петербурге того времени, которая нигде — ни в Москве, ни в Минске — не прижилась бы. Хотя я, может, и ошибаюсь, но такое сложилось у меня впечатление. Я люблю живопись, и мне хотелось бы видеть подобный срез такой камерной, тонкой живописи в Беларуси. У нас, правда, есть подобные художники. Например, Чернобрисов. Кстати, митьки — не только узкое петербургское понятие. Они, между прочим, любят Дэвида Хокни и считают его своим художником.

Ты сам доволен конечной экспозицией? Если бы у тебя было больше средств и времени, что бы ты в ней изменил?

Только одна мысль родилась: как это можно сделать иначе. Снимал бы я точно также и работы вывесил точно также. Но я бы хотел отдельный зал с проектором, или даже два зала. И, возможно, я бы добавил больше информации о людях, отделив информацию о проекте еще более очевидно, чтобы зритель сразу не смог понять, о чем эта выставка, и ознакомился вначале с работами участников, а в другом зале узнал

все о ходе проекта. Но, по сути, судя по реакции зрителя на выставке, никто объяснения проекта на специально обозначенной серой стене сразу не замечает.



Давай вспомним применимые к твоему проекту практики ситуационистов. Сейчас активисты, акционисты, левые радикальные художники снова обратились к ситуационистскому опыту и идеям и пошли «в массы» бороться с отчуждением общества спектакля. Правда, сильно заметно, что им не хватает любви к этим «массам». Чаще всего (как, кстати, и некоторые из ситуационистов) эти массы просто используют. Наши акционисты также идут в народ, и терпимости им также заметно не хватает... А порой кажется, что они даже испытывают неприязнь к людям.

Это мое личное убеждение, что когда люди начинают практиковать социально ангажированный опыт, они или борются с институтами, или пытаются с ними работать. Как правило, получается такая бутафория, которая держится на деньгах, или противостоянии деньгам, или на чем-то еще. Да, они идут работать с людьми и сами становятся какой-то институцией, которая тоже на глазах деградирует, порой очень быстро и заметно. Они всегда пытаются создать свою систему. Но системы все, как правило, рано или поздно деградируют, рождаясь — рождаят себе оппозицию, потому что нет идеальных социальных систем. Ги Дебор хотел историю вернуть во владение человеку, отвоевать её у «продукта», сделать человека хозяином времени. Это, конечно, очень было бы здорово, но как это сделать? Как бороться с системой? Создать новую — точно не выход. Мне представляется, что только личная, маргинальная по отношению к системе практика работы с людьми — а не с институтами — может что-то изменить.

Культуру бунта у нас необходимо развивать...

Мне вот близка одна акция российской арт-группы «Бомбилы» Антона Николаева: транспарант с надписью «Мы не заем, чего мы хотим». Это действительно бунт, но внутренний. Он мне близок, потому что чувствуешь, что здесь вокруг что-то не так, и ты не знаешь, что с этим делать. Это знак нашего времени. Бунт должен начаться с себя. Попытаться честно ответить на свои собственные вопросы, в них разобраться, и они потом оказываются общими.

А вот каково твое личное отношение к политизации белорусского искусства и усилению гражданских инициатив в художественном сообществе?

Меня волнует это, и я стараюсь лично проявлять свои собственные инициативы. Я предполагал, что этот мой проект будет отчасти политическим, так как многие хотели прийти и высказаться по политическим темам. Но в итоге люди, придя на выставку, решили поделиться своим внутренним миром, своими чувствами — и итог исследования оказался любопытным. Для людей это оказалось существеннее, и это, на мой взгляд, не их гражданская несознательность: просто для них есть иная, внутренняя ценность, без которой бороться за что-либо нет никакого смысла. Государство убивает, пугает, унижает, заставляет молчать, но самое страшное — разобщает и изолирует. Человек изолированный теряет ориентиры, «не знает, чего хочет», боится говорить что-то, даже чувствовать. Каждый в своей «скорлупе», но когда чем-то делится личным, пытается общаться, то появляется возможность пробить «скорлупу». Гораздо меньше шансов тогда себя обмануть и быть обманутым кем бы то ни было.

// фотографии проекта Романа Аксёнова «Непосредственные»

0

Нрави

Читать по теме:

«Ченто»: вместо (ДЕ)фрагментации –
полное форматирование

Алла Вайсбанд: "Хотя художественную
жизнь Беларуси и Европы пока
разделяет пропасть, отдельные
белорусы вполне способны ее
преодолевать"

интервью

события, выставки

художники

галерея современного искусства "у"

проект "непосредственные"

роман акёнов

Предыдущая публикация

Следующая публикация

Комментарии: 0

Сортировка

Самые старые

Добавьте комментарий...

Плагин комментариев Facebook

Добавить комментарий

Вы вошли как Редакция. Выйти »

Комментировать

О проекте	Facebook
Партнеры	Twitter
Реклама	
Контакт	RSS

© 2011-2012 Art Aktivist. Все права защищены.
95 queries in 0,345 seconds.

Design & Web Development
by Sgustok Studio